

Гайдаров. Профессор! Из Грузии через Лакию — к поэзии филологии

В эти дни мы вспоминаем видного учёного-филолога Раджидина Идаятовича Гайдарова. Один из аксакалов дагестанской науки, он навсегда ушел от нас два года назад. В наступившем году ему исполнилось бы 90 лет.

Первое знакомство

Познакомился с ним в последний год его жизни. Когда впервые навестил ученого (ему уже нелегко было выходить) дома, он озадаченно спросил: «Почему я тебя не знаю?». Выслушав ответ, сказал: «Вот оно что, учился не у нас. Ты избежал моей хватки», — то ли сожалея, то ли одобрительно.

Я же знал его по книгам, публикациям, разговорам, в которых, даже рассказывая про веселый анекдотический случай (в жизни он, пусть и требовательный и нередко придирчивый, менее всего походил на ученого сухаря), его имя произносили с неизменным уважением, и у меня сложился свой образ профессора Гайдарова — образ человека, в течение десятилетий обучающего людей родном языке: чуть ли не все, кто преподавал лезгинский язык и литературу, изучал лезгинский, писал на нем, как молодые, так и пожилые люди, заслуженные, известные, оказывались его учениками, а уж учениками его учеников являлись, пожалуй, все лезгины, когда-либо в школе открывавшие учебник родного языка.

Сошлись мы, однако, быстро, и на меня он, бывало, ворчал так же привычно, как на кого-нибудь из своих учеников. Помню, как он попенял меня за то, что я удержал взятую у него книгу Петра Услара, вышедшую еще до революции и впоследствии не переиздававшуюся, и которую я не нашел в республиканской библиотеке, вместо одной, как обещал, две недели и, извиняясь, оправдывался тем, что барон писал многословно и невозможно было выбрать нужное за более короткий срок. Раджидин Идаятович в сердцах вспомнил, как один мой коллега («Он тоже был вашим учеником?»)

— «Конечно». — взял у него старинную рукопись, то ли дневник, то ли хронику, на два дня и не вернул.

— Ну, бог с ним, пусть себе работает, — успокаиваясь, сказал он. — А тебе, если интересуешься Усларом, надо обязательно прочитать очерк о нем Магометова (фамилию произноси правильно, замечательный был ученый, родом из Кубачей). Небольшая книжечка, но в нем дана основательная характеристика Услара.

— Я найду ее...

— Ты ее не найдешь, но у меня она есть, — сказал, хитро улыбаясь.

— Теперь буду пунктуальным, верну вовремя.

— Вот тогда тебе и извиняться не придется... Он из ряда тех наших выдающихся филологов, благодаря неустанному труду которых лезгинский язык сегодня относится к одному из наиболее изученных и разработанных северокавказских языков. Всю свою жизнь Раджидин Идаятович скрупулезно собирал и изучал все то, что так или иначе касалось лезгинского языка. По моим наблюдениям, для него такая наука, как лингвистика, была полна невыразимой поэзии (каюсь, сам этого никогда не находил, как большинство людей).

Учеба и война

После сельской школы он учился в Дербентском педучилище, по его словам, «очень престижном среди молодежи того времени учебном заведении». По окончании училища, уже в военном 1942 году, ему дали бронь (после мобилизации в школах не хватало учителей), но на войну он все-таки попал в следующем году, а в ноябре 1944 года под городом Мышкельцы, в Венгрии, танкиста Гайдарова ранили. Почти год оставался в госпиталях и вернулся домой инвалидом второй группы. Учителем в селе. Поступил и в 1951 году окончил филологический факультет Дагестанского пединститута.

Завершил аспирантуру с представлением кандидатской диссертации «Ахтынский диалект лезгинского языка», которую защитил потом в Москве в Институте языковедения (докторскую диссертацию по лексике и словообразованию лезгинского языка защитил в 1968 году в Институте языкознания в Грузии). В 1955 году его, кандидата филологических наук, пригласили в Дагестанский пединститут (впоследствии университет) на должность заведующего кафедрой дагестанских языков и литературы, где Раджидин Идаятович «застрял» без малого на 40 лет. Главными задачами для себя он определил создание вузовских курсов по лезгинскому языку, его диалектологии и обеспечение этих курсов необходимыми пособиями. Им написаны две книги по фонетике лезгинского языка, три — по лексике и словообразованию, книга по морфологии, учебник по диалектологии.

НЕ оставалась без его внимания и общеобразовательная школа: им самостоятельно и в соавторстве созданы 15 школьных учебников и ряд программ, а также два учебника и две программы для педучилищ. Он находил время и для широкого круга других полезных занятий: работал в Институте педагогики им. А. Тахо-Годи, вплоть до последних лет читал лекции на курсах повышения квалификации учителей, долгие годы являлся председателем секции учебной литературы по лезгинскому языку и литературе, членом экспертной комиссии по учебной литературе при Министерстве образования, редактировал научные труды, подготовил и издал несколько сборников научных сообщений филологических факультетов университета, входил в редколлегии «Ученых записок ДГУ» и «Ежегодника иберийско-кавказского языкознания» (издание АН Грузии). Под его руководством 17 человек защитили кандидатские диссертации, некоторые из них впоследствии стали докторами наук.

Труды

Казалось, ничто написанное или сказанное на лезгинском языке не ускользало от его внимания. Наряду с трудами, например, по таким узким темам, как «Наречие в лезгинском языке» или «Арабский пласт агульского языка», у него имеются и привлекательные для каждого, у кого не совсем отмерла тяга к познанию чего-либо нового о родном языке, книги «Заметки о происхождении слов», «Введение в лезгинскую ономастику».

— Вот пытается объяснить (тоже мой ученик) происхождение названия села Ахты, — как-то говорил он. — И чего только не приплел, мол, сестру Абумуслима звали Ух, она там похоронена, отсюда и пошло. А не додумается, что название села может состоять из двух слов и первое из них, «ах», означает «родник, ключ». Слово это до сих пор сохранилось, например, в курушском говоре. Отличительной же чертой села Ахты являлись минеральные источники, известные с древних времен. В другой раз, после публикации одного моего очерка, он остался недоволен тем, что я написал о происхождении слова «Сайтар», названия небольшого села в Кюринских предгорьях: в моем объяснении слово связывалось с обилием в местности водных источников. Раджидин Идаятович настаивал на том, что это имя или прозвище человека, первоначально там осевшего, владельца тех мест.

— Мне рассказывал сельский учитель, — не поддавался я.

— Умница, изучает историю своего края.

— Умницы тоже ошибаются, — возразил Раджидин Идаятович.

— Там действительно много ключей. Меня возили и в урочище семи родников. По крайней мере, звучит поэтично.

— Надо, чтобы и правильно было, — проворчал он, не понимая моего легкомысленного отношения к такому серьезному вопросу, как происхождение названия села. Он был вдумчивым и требовательным читателем, читал все, что выходило на лезгинском языке, удовлетворенно отмечал удачное, но и возмущался не в шутку:

— С такой легкостью пишут! Возьмут и напишут о том, о чем и представления не имеют. Зачем писать, если ты не знаешь? Какая в том необходимость? Он сердился и ворчал, мило и безобидно, как положено ворчать старому учителю на нерадивых учеников. Спорщиком был заядлым, не любил уступать,

однако, бывало, прощал: «Ну, ничего, он объясняет, как может». У Раджидина Идаятовича имеются и труды, ставшие заметными вехами в нашем литературоведении

— «Язык и поэтика Сулеймана Стальского» и «Введение в эминоведение». К классической лезгинской поэзии он относился и как влюбленный в нее читатель, и как исследователь, углубленно изучающий ее, нередко по-своему осмысливал устоявшиеся, общепринятые положения, часто обращался к ее самым неожиданным явлениям. Здесь уместно отметить, что благодаря ему мы имеем рукописный «Альманах, найденный в селе Кири», оригинальный литературный памятник XIX века, недавно наконец-то изданный.

Помню, с каким удивлением я узнал, что у него есть обстоятельная статья об Абдуллахе Бедном, талантливейшем поэте, убитом в передрягах колхозного строительства начала 30-х годов прошлого века. Его произведения, отмеченные печатью не меркнувшей многокрасочности и полные духовного огня, в дагестанских школах не изучались, так как поэт был выходцем из села Манкули в Северном Азербайджане, а в самом Азербайджане, как известно, признают литературу только на тюркском языке.

А большую статью Раджидина Идаятовича о творчестве Гаджи Ахтынского полностью не осмелились напечатать ни в одном издании, так как в ней, говоря об отношениях Гаджи Ахтынского с Сулейманом Стальским, высказывалось мнение, шедшее вразрез с официально принятым. Сам автор считал, что сатирические стихи Гаджи Ахтынского являются непревзойденными в нашей литературе, что звучало неожиданно, заинтересовывало, заставляло перечитать классика. Еще одна тема, излюбленная Радждиным Идаятовичем, — творчество Али Рухунского, поэта иной эпохи, иной жизни, иного мировосприятия и тоже большого дарования.

— Али Рухунский был признанным ученым-богословом, — рассказывал он.

— Дошел до уровня эфенди, это примерно то же самое, что и доктор наук, профессор, хоть и духовного звания. Отличался характером страстным и увлекающимся, вольным в своих высказываниях, отчего у него всегда складывались отношения с людьми своего круга. Владел и фарси, с точки зрения художественного творчества языком более разработанным, чем арабский. Знание фарси свидетельствовало об учености и вообще о культурном уровне человека.

Их было четверо братьев, все ученые и стихотворцы, но Али был талантливее всех. После событий 1877 года родичи Али эмигрировали в Турцию и его потянули за собой. Увы, наследие Али пропало, до нас дошла лишь небольшая его часть. И прочитал наизусть стихотворение, полное яростно-неукротимого чувства в строках, написанных 150 лет назад. Дочитав, удовлетворенно заметил:

— Сильнее ничего не может быть. Что еще можно сказать о любви и о женской красоте? Удивительно он читал стихи: в его чтении слова какого-нибудь старинного поэта, как мне казалось, начинали светиться внутренним светом и гореть, они очаровывали силой и красотой таланта, убеждали тебя в том, что стихи для того и существуют, чтобы читать их с таким наслаждением, улавливая все оттенки красоты слова, переливы чувств, живое пульсирование мысли.

Предки

Он сам написал об интересной судьбе своего рода, берущего свое начало с грузинской «стороны».

По забытой впоследствии причине, грузин по имени Вано некогда переселился в Лакию и обосновался в одном из небольших аулов-хуторов под Казикумухом. Вано имел сына, которого лакцы звали Зурабом, а он — сына Шахназара. О них только известно, что мать последнего была лачкой.

Сын Шахназара Алил (Алил-эфенди), ученый и поэт, в течение ряда лет исполнял обязанности личного секретаря Сурхай-хана. Сын Али-эфенди Шабан с пятью взрослыми сыновьями переселился в Кюринский вилайет в село Кири, где занимал духовную должность. Двое из сыновей, о чем ученый знает со слов своей матери, были убиты в столкновении с местными жителями, еще в первые годы переезда семьи.

Автор: Гаджи Чандаров (gazeta-nv.ru 2011 №4)